

*М.Б. Кросби-Арнольд**

**БЫЛА ЛИ ВОЙНА 1812 ГОДА СВЯЗАНА
С ЭКОНОМИКОЙ?
О ПРИЧИНАХ ПОХОДА НАПОЛЕОНА НА РОССИЮ**

«Одной из постоянных причин войн в Европе в течение последних двух столетий было эгоистичное стремление контролировать водные пути. Я говорю про Дунай, черноморские проливы, Рейн, Кильский канал и все внутренние водные артерии Европы, которые были границами двух или более государств»¹. Этот комментарий был дан 9 августа 1945 г. в радиовыступлении президента Гарри С. Трумэна «Обращение к народу о войне, развитии, прошлом и будущем». На Потсдамской конференции, проходившей с 17 июля по 2 августа 1945 г., представители США предложили, чтобы «навигация по этим внутренним водным артериям была свободна и ничем не ограничена»². Подобная мера, по их мнению, была бы «важна для будущего мира и безопасности во всем мире», а потому управление «такой навигацией» должны были «обеспечивать международные органы»³. Статья в *New York Times* от 25 сентября имела точный подзаголовок «Раздраженные министры иностранных дел встречались дважды, а результат...». Как в ней сообщалось, «в сегодняшних разговорах американцы поддержали идею общего управления союзников всеми реками... но русские возражали, что лучше оставить реки в ведении сегодняшних военных администраций, а Кильский канал в ведении Контрольного совета союзников»⁴. Соглашение так и не было достигнуто, и этот вопрос был оставлен до Дунайской, или Белградской, конференции 6–19 августа 1948 г. Джон Кэмпбелл писал в *Foreign Affairs*: «После нее появилась новая Дунайская конвенция, составленная в Москве и принятая без изменений коммунистическими правительствами Дунайских государств; она была поддержана на конференции большинством голосов»⁵. «Западные державы никак не повлияли на решение этой конференции», а принятая конвенция, «которую они отказались подписать, была привезена ми-

¹ *New York Times*. 1945. 10 August.

² *Ibid.*

³ *Ibid.*

⁴ *New York Times*. 1945. 25 September.

⁵ *Campbell J. Diplomacy on the Danube // Foreign Affairs*. 1949. № 27. 2. P. 315.

стером Вышинским из Москвы». Все 28 поправок, предложенных Западом, были отвергнуты «твердым большинством из семи голосов», в то время как благодаря тем же семи голосам, конференция «торжественно приняла советскую конвенцию целиком». США голосовали против, однако британские и французские делегации отказались объединить силы, «и даже не потребовали занести в протокол, что они воздержались, объясняя это тем, что вся процедура была неправильной и являлась нарушением их законных прав». «Вскоре политика западных стран в Советской Европе», заключал Кэмпбелл, будет состоять в том, чтобы «пытаться вбить клин то здесь, то там»⁶.

Предыдущий абзац может показаться странным для статьи, в которой ставится цель пересмотреть причины похода Наполеона на Россию в 1812 г., но всеобщая неспособность оценить, какое место занимала Россия XVIII века в том, что следует считать глобальной экономической системой, а также понять, как это могло привести к 1812 году, неразрывно связана с влиянием «холодной войны» на историографию, как на Востоке, так и на Западе. Более того, эта неспособность относится не только к 1812 году, но и ко всему «долгому восемнадцатому столетию», включая так называемые Революционные и Наполеоновские войны. Если изучить хитросплетения тогдашней экономики, встают вопросы: связано ли начало войны в 1792 г. с Революцией (или революциями), и не являлись ли мотивы Франции, побуждавшие ее развязывать войны, куда более постоянными на протяжении всего периода с 1792 по 1812 год, нежели считает большинство историков. Соответственно, эта статья является в не меньшей степени историографической, нежели исторической. Хотя в ней предполагается не столько отвечать на вопросы, сколько ставить их, будем надеяться, что она укажет новые направления исследований и новые возможности сотрудничества между историками, уже не будут делиться по ушедшим в прошлое блокам государств и смогут совместно двигаться к тому, что Майкл Конфино назвал «истинно международной историографией»⁷.

Насколько мне помнится, все официальные высказывания, шедшие с Востока, а также написанные там исторические труды, считались на Западе в лучшем случае подозрительными, а чаще и вовсе сбрасывались со счетов как бесполезные и недостоверные выражения политических догматов. Существуют различные мнения о том, появилась ли новая

⁶ Ibid.

⁷ Confino M. The New Russian Historiography and the Old – Some Considerations // History and Memory. № 21. 2. Special Issue: Historical Scholarship in Post-Soviet Russia / Ed. by G. Gorodetsky. 2009. P. 7–176.

русская историография после начала *гласности* или «великого разрыва 1991 года», но «впечатляющее крушение Советского Союза побудило ученых в странах Восточного блока обратить внимание на проблему политического субъективизма в историописании»⁸. Напротив, на Западе окончание «холодной войны» не привело к аналогичным размышлениям о проблеме политического субъективизма. В Соединенных Штатах, главном центре западной интеллектуальной мысли, распад Советского Союза, вызванный внутренними причинами, был расценен как победа в «холодной войне». Хотя 1990-е гг. на Западе стали временем жарких историографических схваток и дебатов, те были скорее связаны с упрочением достигнутого в ходе общественных движений середины 60-х годов⁹. Вопрос о том, в какой степени на историографию влиял политический субъективизм «холодной войны», не обсуждался никем, кроме специалистов по советской и/или восточноевропейской истории¹⁰. И дело обстоит по-прежнему так, несмотря на то, что, возможно, сама организация академической сферы в «атлантическом мире», включая финансирование исследований, особенно после 1949 г., оказала сильное влияние на пути развития западной историографии.

Исследования об использовании концепции «тоталитаризма», в том числе для манипулирования сознанием людей, показали нам, как в период «холодной войны» создавался откровенно враждебный образ Другого. Но были и менее откровенные методы влиять на сознание, предполагавшие определенное конструирование собственного образа¹¹. Ярким примером этого является «атлантическая история». Преамбула Североатлантического договора, подписанного в Вашингтоне 4 апреля 1949 г., гласит, что страны-члены НАТО «преисполнены решимости защищать свободу», а также «общее наследие и цивилизацию своих народов, основанные на принципах демократии, свободы личности и законности»¹². На практике же эти «общее наследие и цивилизация» представляли собой совершенно новую культурно-антропологическую идентичность, пришедшую на

⁸ О последних дискуссиях в российской историографии см. работы Михаэля Кофино, Бориса Колоницкого, Исраэля Коэна, Тедди Ульдрикса, Веры Каплан, Виктора Шнирельмана и Якова Рои в *History and Memory*. № 21. 2.

⁹ *Iggers G. Historiography in the Twentieth Century: From Scientific Objectivity to the Postmodern Challenge*. Hannover, 1997; *Iggers G., Edward Wang Q. A Global History of Modern Historiography*. Harlow, 2008. Рус. пер.: *Иггерс Г., Ван Э.* Глобальная история современной историографии. М., 2012.

¹⁰ *Gleason A. Totalitarianism: The Inner History of the Cold War*. N.- Y., 1995.

¹¹ *Ibid.*

¹² См.: *North Atlantic Treaty*, 4 April 1949: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_17120.htm. Рус. пер.: «Североатлантический договор» [http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_17120.htm]

смену расовой: фактически ее еще только предстояло создать¹³. Бернард Бейлин, возможно, самый влиятельный из творцов «атлантической истории» (которых Питер Кокланис в шутку назвал «бандой трех») признает, что «сама атлантическая история – то есть, развивающаяся история зоны взаимодействия народов Западной Европы, Западной Африки и Америки – впервые стала особым и цельным предметом исторического исследования лишь после Второй мировой войны»¹⁴. Однако в большинстве историографических исследований об «атлантической истории», как защищающих, так и критикующих ее, не заходит и речи о том, что идея «атлантического мира» и «атлантической истории» попросту является пережитком «холодной войны». Единственное исключение – «Генеалогия истории Атлантики» Уильяма О'Рейли¹⁵. В самом деле, даже если мы не будем прибегать к критическим методам современной историографии и останемся в рамках канонических подходов экономической истории, обращавшей внимание на широкое переплетение международных экономических связей, станет ясно, что такая искусственно выделенная общность, как «атлантический мир», могла появиться лишь в узколобом мышлении периода «холодной войны».

Тем не менее, после окончания «холодной войны» популярность «атлантической истории» еще больше повысилась, и она вошла в исторический канон¹⁶. Тот факт, что она пережила резкий подъем после окончания «холодной войны», весьма показателен. «За последние десять-двадцать лет – писал Кокланис в 2006 г., – атлантическая история проникла в самые глубины исторической науки», «на радость и на горе»¹⁷. Возможно, и в этом случае решающее значение имела политическая ситуация. Признание того, что крушение СССР означало и конец «холодной войны», утверждалось крайне медленно и не привело к широкой демобилизации в США, ни в интеллектуальном, ни в каком-либо ином плане.

¹³ Детальное обсуждение изменения «расовой концепции» от биологической к социально-наследственной и воздействие этих перемен на историографию см.: *Crosby-Arnold M.* The Crisis of Antiracism: "Race", "Ethnicity" and the Problem of History – доклад, представленный на 42-м конгрессе «Революционная эпоха 1750–1850» (Батон Руж, 2012).

¹⁴ *Coclanis P.* Drang Nach Osten: Bernard Bailyn, the World-Island, and the Idea of Atlantic History // *Journal of World History*. 2002. № 13. 1. P. 170; *Bailyn B.* Introduction: Reflections on Some Major Themes // *Soundings in Atlantic History: Latent Structures and Intellectual Currents, 1500–1830* / Ed. by B. Bailyn and P. Denault. Cambridge MA, 2009. P. 1.

¹⁵ *O'Reilly W.* Genealogies of Atlantic History // *Atlantic Studies*. 2004. № 1. 1. P. 66–84.

¹⁶ *Soundings in Atlantic History: Latent Structures and Intellectual Currents 1500–1830* / Ed. by B. Bailyn and P. Denault. L., 2009; *The Oxford Handbook of The Atlantic World, c.1450-c.1850* / Ed. by N. Canny and Ph. Morgan. Oxford, 2011.

¹⁷ *Coclanis P.* Atlantic World or Atlantic/World? // *William and Mary Quarterly*. 2006. № 63. 4. P. 725.

Вместо этого интеллектуалы были мобилизованы на защиту НАТО и К°, и следует отметить, что эта организация после 1989 г. начала предпринимать действия по своему распространению вширь¹⁸. Соответственно, если «атлантическая история», создававшаяся в период «холодной войны», привела к материализации идеи единого атлантического наследия и почти сумела наделить его древней родословной, то есть опасность, что всепроникающее распространение щупалец нынешней «атлантической истории», создаваемой в ситуации, сложившейся после «холодной войны», может, умышленно или случайно, привести к тем же последствиям. В любом случае имеет место импульс, направленный на расширение географических рамок атлантической истории¹⁹.

Хотя такие исследования весьма важны и на многое проливают свет, они скорее дают повод поставить под вопрос само понятие «атлантического мира», чем распространить его географические рамки далеко за пределы Атлантики, что приводит к обесмысливанию самой идеи. Британские суда, строившиеся из балтийского леса, плавали и в Индию, и в Китай, а немецкие торговые колонии в Лондоне столь же активно участвовали в левантийской торговле, как и в коммерции на других направлениях²⁰. Если же мы примем во внимание, насколько глубоко атлантические державы были вовлечены в местные торговые связи в Центральной и Восточной Европе, в Леванте, в Ост-Индии и в Китае, насколько они от них были зависимы, то XVIII столетие, пожалуй, предстанет ранним периодом глобализации, в рамках которой Атлантика была лишь одной из важных осей торгового и межкультурного обмена. Чем больше погружаешься в изучение вопроса, тем больше кажется, что новая атлантическая ось была попросту продолжением торговых путей Старого Света, проходивших не только в Центральной и Восточной Европе, но и в Османской империи, Персии, Ост-Индии и других частях света.

В свете вышеизложенных историографических проблем очевидно, сколь необходимо введение в научный оборот сведений об участии России в глобальной торговле Нового времени, не только в качестве поставщика сырья и потребителя западных товаров, но и как растущей торговой

¹⁸ См., например, официальную брошюру от 1 июля 2012 г.: *What is NATO? An Introduction to the Transatlantic Alliance*. Brussels, 2012.

¹⁹ *The Rise of the Atlantic Economy and the North Sea/Baltic Trade, 1500–1800 // Proceedings of the XVth World Economic History Congress / Ed. by L. Müller, Ph. Rosser, T. Tamaki*. Stuttgart, 2011; *Evans C., Rydén G. Baltic Iron in the Atlantic World in the Eighteenth Century*. Leiden, 2007; *Weber K. Deutsche Kaufleute im Atlantikhandel 1680–1830: Unternehmen und Familien in Hamburg, Cádiz und Bordeaux*. Munich, 2001.

²⁰ *Beerbühl M. Deutsche Kaufleute in London: Welthandel und Eingbürgerung 1600–1818*. Munich, 2007.

державы и конкурента. Откровенно говоря, удивительно, сколь малое число исследований посвящено этому вопросу, особенно если учесть то значение, которое Наполеон придавал участию России в Континентальной блокаде: ведь считается, что именно предполагаемое нарушение ею блокады и стало поводом для его кампании 1812 года. Впрочем, причиной подобного дефицита информации может быть бурный российский XX век. В те самые годы, когда Эли Хекшер и другие искали в XVIII столетии исторический пример экономической войны, подобной, как они считали, Первой мировой, современниками которой им довелось стать, Россия переживала сначала революцию 1917 года, затем гражданскую войну 1917–1923 гг., а затем долгую самоизоляцию Советского Союза (1922–1991 гг.)²¹. Вместе с тем, можно было бы ожидать, что на фоне заметного подъема исследований в годы двухсотлетних юбилеев 1989–2014 гг. появится больше работ об экономических связях России и Восточной Европы. К сожалению, этого не произошло. Но к счастью, это оставляет на будущее широкие возможности для новых исследований, а ученым из этого региона, в особенности молодым, дает повод начать активные историографические дебаты.

Одним из предметов, не удостоившихся достаточного внимания исследователей, было значение внутренних водных путей и судоходства на них, особенно в связи с российским участием в глобальной экономике XVIII в. В данном вопросе нельзя недооценить того влияния на «атлантическую историю» и на исследование Континентальной блокады, которое и поныне оказывает вышедший в 1892 г. труд Альфреда Тайера Мэхэна «Влияние морской силы на Французскую революцию и Империю: 1793–1812 гг.». В значительной степени именно этот труд обусловил составляющее основу «атлантической истории» внимание историков исключительно к морю и к так называемому веку паруса. Вместе с тем, именно Мэхэн впервые указал на коммерческую подоплеку Революционных и Наполеоновских войн. 1793 год «выделяется особо», как пишет Мэхэн в первых строках своего монументального труда. «Он знаменит... открытием враждебных действий против великой морской державы, упорное стремление которой к цели и мощь и богатство должны были оказать решительное влияние на результат войны...»²². Далее он продолжает: «Не уставая поддерживать своим золотом уступавшие ей в богатстве державы континента против общего врага, Великобритания не остановилась и перед тем, чтобы упорно нести на

²¹ *Heckscher E.* The Continental System: An Economic Interpretation. Oxford, 1922.

²² *Mahan A.* The Influence of Sea Power upon the French Revolution and Empire, 1793–1812. N.Y., 1892. Vol. 1. P. 1. Рус. пер.: *Мэхэн А.Т.* Влияние морской силы на французскую революцию и империю. 1793–1812. СПб., 2002.

своих плечах все бремя войны после того, как ее союзники один за другим отложились от нее... И год, когда она – со своим флотом, торговлей и деньгами – выступила против Французской республики – с ее победоносными армиями, разрушенным флотом и разоренным казначейством, – следует принять за начало великой борьбы, окончившейся при Ватерлоо»²³. Хекшер, оценив работу Мэхэна как «лучший обзор идей континентальной системы и их применения», тем не менее, признал, что она отмечена «весьма ярко выраженной проанглийской и антифранцузской тенденциозностью»²⁴. С точки зрения Хекшера, Мэхэн «слишком сконцентрировался на военноморской мощи как таковой, чтобы обратить внимание на ее связь с экономической политикой и экономической деятельностью, у которых, в конце концов, есть и невоенная сторона»²⁵.

Хекшер, в конечном счете, не столько стремился опровергнуть тезисы Мэхэна, сколько желал их перенести на экономическую историю. В самом деле, в значительной части своей работы он подражает обширному исследованию Мэхэна, из-за чего встает вопрос, насколько новым был подход Хекшера. Цитируя Мэхэна, он соглашался, что «каждый удар, направленный против нейтрального государства, ... был на самом деле пусть и неочевидным, но ударом по Великобритании»²⁶. «Целью» континентальной войны Наполеона против нейтральных государств также была, по его словам, «экономическая победа над Великобританией»²⁷. Спустя почти век после работы Мэхэна в исторических исследованиях продолжало доминировать внимание к морю²⁸. В этой ситуации Джеффри Эллис, указав на труды Луи Бержерона, Роже Дюфресса и предыдущих поколений немецких историков, призвал уделить больше внимания «внутриконтинентальному аспекту темы»²⁹. На этот призыв откликнулись главным образом германоязычные ученые Центральной Европы, но их исследования посвящались в большей степени континентальной системе в целом, нежели блокаде.³⁰ В целом перенос центра внимания

²³ Ibid. P. 1-2.

²⁴ Heckscher E. Continental System. P. 377-378.

²⁵ Ibid. P. 30.

²⁶ Heckscher E. Continental System. P. 49.

²⁷ Ibid. P. 94.

²⁸ Джеффри Эллис не упоминает книгу Мэхэма, но Введение к его фундаментальному исследованию содержит обширный историографический обзор, в котором подчеркивается доминирование морской проблематики в историографии XX века. – Ellis G. Napoleon's Continental Blockade: The Case of Alsace. Oxford, 1981. P. 1-16.

²⁹ Ibid. P. 19 и, в целом, P. 16–25.

³⁰ Более подробную характеристику историографии см.: Aalestad K., Hagemann K. 1806 and Its Aftermath: Revisiting the Period of the Napoleonic Wars in German Central European Historiography // Central European History. 2006. № 39. 4. P. 676-705.

внутри континента способствовал появлению долгожданных исследований о последствиях блокады. Однако новые труды никоим образом не ставят под сомнение идею, что Наполеон, издавая свои Берлинские декреты 1806 года, надеялся одержать экономическую победу над Великобританией. Прошел век, но тезисы Мэхэна-Хекшера держатся столь же прочно, как и раньше, хотя и звучат призывы уделить больше внимания сложным экономическим связям империй Нового времени в Атлантике или по всему земному шару – тому, что Крис Эванс и Гёран Риден называют «сплетением нитей торговых связей»³¹. Море вновь ставится во главе угла³².

Что же касается истории России, в том числе 1812 года, то она с самого начала изучения блокады была отодвинута на задний план. Комментируя работу Хекшера, Джон Холланд Роуз жаловался: «К сожалению, эта книга не проливает свет на самое главное событие – переход России на сторону противника, произошедший начиная с декабря 1810 г. Оно по-прежнему ждет подробного исследования»³³. Девяносто лет прошло, но ничего не изменилось. Проблему не решил и труд Евгения Тарле, развивавшего предписанную генеральной линией партии идею великой Отечественной войны. Вслед за Лениным он считал войну 1812 года империалистической. Хотя он считал, что Наполеон действовал под влиянием «крупной французской буржуазии, особенно промышленной», он был согласен с Мэхэном относительно мотивов Наполеона. Буржуазия «нуждается в полном вытеснении Англии с европейских рынков; Россия плохо соблюдает блокаду»³⁴. Хотя этот миф повторяли поколения историков, ни единая строка Тильзитского договора, заключенного 7 июля, не требовала, чтобы Россия запретила торговлю с Великобританией. Статья VIII подтверждала «свободное плавание по Висле», а по статье XXVII «торговые отношения» стран, подписавших договор, возвращались к «предвоенному состоянию»³⁵. Это единственные статьи Тильзитского договора, в которых речь шла о торговле. Лишь в Тильзитском договоре

³¹ *Evans C., Rydén G.* Op. cit. P. 49.

³² *Marzagalli S.* Boulevards de la fraude: le négoce maritime et le blocus continental, 1806–1816: Bordeaux, Hambourg, Livourne. Villeneuve, 1999; *Idem.* Establishing Transatlantic Trade Networks in Time of War: Bordeaux and the United States 1793–1815 // *Business History Review*. 2005. № 79. 4. P. 811–844; *Borges de Macedo J.* O bloqueio continental: oconomia e Guerra peninsular. Lisbon, 1990.

³³ *Holland Rose J.* Review // *Economic Journal*. 1923. № 33. 130. P. 242.

³⁴ *Tarle E.* Napoleon's Invasion of Russia, 1812. N.Y., 1942. P. 5. Оригинал: *Тарле Е.В.* Нашествие Наполеона на Россию (1941) // *Тарле Е.В.* Сочинения. Т. 7. М., 1959. С. 439.

³⁵ *The Annual Register, or a view of the History, Politics, and Literature of the Year 1807 (1808).* P. 270-272.

от 9 июля 1807 г. между Францией и Пруссией, в XXI и XXVII статьях, содержался недвусмысленный запрет на торговлю с Великобританией или какой-либо из ее колоний. Но этот запрет относился к Пруссии, не к России³⁶. Указ Александра I, ограничивавший внешнюю торговлю, вышел лишь 7 мая 1809 г., и его следует считать обусловленным скорее внутрисударственными политико-экономическими вопросами, нежели реакцией на требования Наполеона.

Соответственно, в настоящей статье содержится призыв не отказаться от изучения морских или внутренних водных путей, а объединить то и другое. Изучая британскую Атлантику, Робин Ло показал, что европейская торговля в Африке, в том числе и работорговля, «решительным образом зависела от навигаторских умений африканцев»³⁷. «Очевидно – пишет он, – что суда обычно загружались для атлантической торговли в лагунах, а товары для погрузки доставлялись вдоль берега на каноэ, проплывших значительное расстояние до места торговли с европейцами: таким образом, лагуны играли роль исходных точек морской торговли»³⁸. Строительство каналов началось в Англии сравнительно поздно по сравнению с континентом, но в работах о промышленной революции действие внутренних водных путей и судоходство по ним были до некоторой степени изучены³⁹. Накануне Семилетней войны внутренние водные пути Англии сохраняли свой первозданный вид, что вызывало тревогу относительно опасного отставания от Франции⁴⁰. Век каналов начался в Великобритании лишь в конце 1760-х гг., а затем, «когда Англия находилась в тисках торговой рецессии, вызванной Американской

³⁶ Ibid.

³⁷ Law R. *Between the Sea and the Lagoons: The Interaction of Maritime and Inland Navigation of the Precolonial Slave Coast* // *Cahiers d'Études Africaines*. 1989. Vol. 29. 114. 1. P. 209.

³⁸ Ibid.

³⁹ Хороший историографический обзор см.: *Turnbull G. Canals, Coal and Regional Growth during the Industrial Revolution* // *Economic History Review*. 1987. № 40. 4. P. 537–560. Основные исследования: *Willan T. River Navigation in England: 1600–1750*. L., 1936; *Idem. The River Navigation and Trade of the Severn Valley, 1600–1750* // *Economic History Review*. 1937. № 8:1. P. 68–79; *Idem. English Coasting Trade, 1600–1750*. Manchester, 1938; *Idem. The Navigation of the Great Ouse between St. Ives and Bedford in the 17th Century*. Manchester, 1941; *Idem. The Navigation of the River Weaver in the Eighteenth Century*. Manchester, 1951; *Idem. Early History of the Don Navigation*. Manchester, 1965; *Deane P. The First Industrial Revolution*. N.Y., 1965. P. 72–86; *Nef J. The Rise of the British Coal Industry*. Abingdon, 1966. Vol. 1. P. 79–99.

⁴⁰ См., например: *Postelthwayt M. A Short State of the Progress of the French Trade and Navigation Wherein is Shewn, The great Foundation that France has laid, by dint of Commerce, to increase her maritime Strength to a Pitch equal, if not superior, to that of Great-Britain, unless some how checked by the Wisdom of His Majesty's Councils*. L., 1756. Обсуждается в: *Crosby-Arnold M. Rivers, Lakes and Canals: Inland Waterways and The Economic Entanglement of the Continental Interior in Atlantic History* // *Hannibals At the Gates: Global Migrations, Immigration Crisis, The Rise of the "Race" and Economic Dislocation in Europe, 1750–1815* (в печати).

войной», строительство каналов превратилось в «национальную манию в 1790-е гг.».⁴¹ Несомненно, одной из причин этого была необходимость получить доступ к отечественному чугуну в чушках, чтобы уменьшить зависимость Великобритании от балтийского угля, большую часть которого поставлял Санкт-Петербург⁴². Действительно, когда технологические достижения 1790-х гг. позволили Англии обходиться собственным чугуном, это возымело разрушительные последствия для российской экспортной торговли, и, хотя было бы интересно изучить воздействие улучшения британских внутренних водных путей на балтийскую торговлю Англии, мы рассматриваем в первую очередь вопросы, связанные с Россией⁴³. Впрочем, «удобный доступ к судоходному водоему» в Англии считали «огромным экономическим активом, и его неистово защищали»⁴⁴.

Существует очень мало исследований внутренних водных путей и судоходства по ним – удивительно мало, если принять во внимание обилие рек в континентальной Европе. Однако оба Тильзитских договора дают ясно понять, что этот путь транспортировки был для торговли чрезвычайно важен. Историки из германоговорящей Центральной Европы изучили последствия блокады для торговли по Рейну, но не уделили внимания более широкому миру, с которым эта торговля была связана. Необходимо выйти за пределы Рейна⁴⁵. Модернизация внутренних водных путей России и судоходства по ним была европейским чудом, на что один за другим обращали внимание многочисленные путешественники – именно этим путем на берега Балтики доставлялись, в том числе, и такие экспортные товары, как чугун, пенька, лес. Но в литературе это почти не обсуждалось. Прежде, чем мы сможем как следует понять экономическую войну, Континентальную блокаду или причины ее провала, как в России, так и в других странах, необходимо изучить роль внутренних водных путей и навигации по ним в глобальной торговле и понять, как улучшения инфраструктуры на континенте и, в первую очередь,

⁴¹ *Deane P.* Op. cit. P. 78.

⁴² *Evans C., Rydén G.* Op. cit. P. 37, 231-233, 271-276.

⁴³ *Ibid.*

⁴⁴ *Turnbull G.* Op. cit. P. 538.

⁴⁵ Несколько исследователей писали на тему влияния континентальной системы на Рейнскую торговлю, в том числе: *Crouzet F.* Wars, Blockade, and Economic Change in Europe, 1792–1815 // *Journal of Economic History*. 1964. № 24:4 P. 567–588; *Dufraisse R.* Contrebandiers normands sur les bords du Rhin à l'époque napoléonienne // *Annales de Normandie*. 1961. № 11. 3. P. 209–232; *Ponteil F.* La contrebande sur le Rhin au temps du Premier Empire // *Review Historique*. 1935. № 175. P. 257–286; *Ellis G.* Op. cit. P. 50-58; *Spaulding M.* Revolutionary France and the Transformation of the Rhine // *Central European History*. 2011. № 44. 2. P. 203–226.

создание новых каналов, открывали новые торговые пути и увеличивали степень экономической интеграции. С одной стороны, когда водные торговые пути открылись для торговли с Востоком, эти улучшения вызвали признание того факта, что Россия стремительно выдвигается на сцену мировой торговли, и опасения в связи с этим. С другой стороны, это заставляет предположить, что причины французского вторжения в Россию в 1812 году были куда более сложными, нежели просто стремление помешать торговле с Англией. Неудавшееся нападение России в 1812 году – ключевой момент в более долгой истории экономических войн столетия, но не только в связи с блокадой.

Нет практически ни одного трактата, ни одного путевого дневника XVIII века, посвященного европейскому континенту, который не заметил бы и не указал бы на важность внутренних водных путей и навигации по ним⁴⁶. В настоящей статье не представляется возможным даже перечислить все эти труды, не говоря уж о том, чтобы рассмотреть их подробно. На протяжении всего столетия внутренние водные пути и навигация по ним – постоянные сюжеты в рассказах о России. Эти рассказы варьировались от беспечных путевых дневников, таких как «Путешествия из Петербурга в России в различные части Азии» Джона Белла (опубликованная в 1764 г., книга описывала и путешествия в персидские Исфахан и Дербент, в Пекин и Константинополь), до более серьезных экономических трактатов, таких, например, как опубликованный в 1784 г. «Призыв к моим согражданам участвовать в торговле посредством каналов» Георга Бруйна. Белл, путешествовавший в 1715–1722 и в 1737–1738 гг., писал о том, как быстро и легко

⁴⁶ *Salmon T.* The chronological historian: containing a regular account of all material transactions and occurrences, ecclesiastical, civil, and military, relating to the English affairs, From the Invasion of the Romans, to the Fourteenth Year of King George II. With the Creations and Promotions of the Nobility and Baronets, Ministers of State, Generals, Judges, Attorneys, and Solicitors-General, as they stand in Order of Time: Whereby that Confusion, which generally misleads the Reader in the Perusal of our Historians, for want of an exact Chronology, is prevented, and other Defects and Omissions supplied. L., 1747. 2 vols.; *Keyssler J.G.*, Travels through Germany, Italy, Switzerland & Lorraine: Giving a True and Just Description of the Present State of Those Countries; Their Natural, Literary, and Political History, Manners, Laws, Commerce, Manufactures, Painting, Sculpture, Architecture, Coins, Antiquities, Curiosities of Art and Nature, etc. L., 1756–1757. 4 vols.; *Anderson A.* Anderson's historical and chronological deduction of the origin of commerce, from the earliest accounts. Containing a history of the great commercial interests of the British Empire. To which is prefixed, an introduction, exhibiting a view of the ancient and modern state of Europe; of the importance of our colonies; and of the commerce, shipping, manufactures, fisheries, etc. of Great-Britain and Ireland; and their influence on the landed interest. With an appendix, containing the modern politico-commercial geography of the several countries of Europe. Carefully revised, corrected, and continued to the year 1789, by Mr. Coombe. 6 vols. Dublin, 1790.

путешествовать в теплые месяцы по рекам и каналам России, а зимой на санях⁴⁷. Антон Бюшинг в длинном трактате, посвященном «Российской империи», писал, что «в *России* можно путешествовать дешево и очень быстро, как летом, так и зимой; в особенности на санях зимой»⁴⁸. Бруйн, писавший сразу после американской Войны за независимость (1775–1783), изучал возможные перспективы единой системы внутренних водных путей, подчеркивая, что она может помочь Центральной Европе избежать лишений, вызванных во время войн прекращением поставок товаров из Вест-Индии⁴⁹. Существующие в России усовершенствования, а также новые каналы создавали «новый путь через Россию на Восток»⁵⁰. «Свободная навигация» до Черного моря была альтернативой левантйской торговле, а позиции России на Каспийском море открывали новый путь для торговли с Персией⁵¹.

После начала в 1792 г. Революционных войн Франции, которое повлекших за собой угрозу нарушения торговли, число договоров, регулировавших навигацию по внутренним водным путям, заметно выросло. Писавшие о Российской империи обращали внимание на ее новейшую транспортную систему, плод инициативы Петра Великого, а в последние десятилетия века многие могли согласиться с замечаниями Джона Филлипса в его «Общей истории судоходства на внутренних водных путях» (изданной в 1793 г.):

«Возможно, ни в одной части света судоходство на внутренних водных путях не имеет такого размаха, как в России, ибо в этой империи возможно перемещать товары по воде на расстояние *четырёх тысяч четырёхсот семидесяти двух миль*, от границ Китая до Петербурга, с перерывом лишь на примерно шестьдесят миль; и из Астрахани до вышеупомянутой столицы на расстояние *тысячи четырёхсот тридцати четырёх миль*; в высшей степени поразительный путь для судоходства по внутренним водным путям, почти равный одной четвертой окружности земли»⁵².

⁴⁷ Bell J. Travels from St. Petersburg in Russia to Diverse Parts of Asia. L., 1764. Частичный рус. пер: Белл Дж. Путешествия из Санкт-Петербурга в различные части Азии // Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV-XVIII вв. Сталинград, 1936.

⁴⁸ Busching A.A New System on Geography. L., 1762. Vol. 1. P. 38. Про Российскую империю см. P. 377-524.

⁴⁹ Bruyn G. Aufforderung an meine Mitbürger zur Theilnehmung an dem Canal-Handel. Altona, 1784. P. 22.

⁵⁰ Ibid. P. 21.

⁵¹ Ibid. P. 22.

⁵² Phillips J.A General History of Inland Navigation Foreign and Domestic. L., 1793. P. 16.

«Водная связь между Астраханью и Санкт-Петербургом, или между Каспийским и Балтийским морями – продолжал Филлипс, – осуществляется при помощи знаменитого Вышневолоцкого канала», который он весьма подробно описал⁵³.

На путешествие из Вышнего Волочка в Петербург требуется «чуть более месяца» осенью, «три недели» летом и «лишь две недели» весной.⁵⁴ Как утверждают Крис Эванс и Гёран Риден, «группы товаров, отправлявшихся с Балтийского побережья в Великобританию, а затем в более широкий атлантический мир, были связаны друг с другом, создавая сложные и переплетенные системы»⁵⁵. Они пишут, что «значительная часть балтийского леса, пеньки, льна и чугуна превращалась в парусные суда, осуществлявшие треугольную торговлю в Западном океане и обеспечивавшие встречный поток тропических продуктов в Европу»⁵⁶. К 1760 г. поставки российского чугуна в Англию обогнали шведские, достигнув в 1793 г. примерно 60 тысяч тонн⁵⁷. При этом обычно не учитывается, что подобные товары отнюдь не росли на буях и причалах морских портов, а должны были доставляться из далеких внутренних областей. Вот почему современники подчеркивали важность внутренних водных путей и навигации по ним. Филлипс сообщал, что всего за год, с 1777 по 1778 г., число кораблей, проходивших по Вышневолоцкому каналу, увеличилось с 4085 до 4972, указывая на «рост внутренней торговли в год почти на четверть, благодаря навигации по каналу»⁵⁸. Конечно, мы не можем быть уверены в точности цифр Филлипса, но то значение, которое современники придавали внутренним водным путям и навигации по ним в России, указывает на необходимость дальнейших исследований данной темы.

Важные новые исследования по российской внешней торговле, появившиеся после перерыва в несколько десятилетий, вновь привлекают внимание историков к необходимости учитывать значение России при изучении международной экономики XVIII столетия⁵⁹. Но, по-видимому,

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Ibid. P. 29.

⁵⁵ *Evans C., Rydén G.* Op. cit. P. 49.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ *Evans C., Jackson O., Ryden G.* Baltic iron and the British iron industry in the eighteenth century // *Economic History Review*. 2002. № 55. 4. P. 645.

⁵⁸ *Phillips J.* Op. cit. P. 30.

⁵⁹ См. также: *Kaplan H.* Russian Overseas Commerce with Great Britain during the Reign of Catherine II. Philadelphia, 1995; *The Rise of the Atlantic Economy and the North Sea/Baltic Trade*. Эти работы дополняют более старые: *Heckscher E.* Multilateralism, Baltic Trade and The Mercantilist // *Economic History Review*. 1950. № 3. 2. P. 219–288; *Koutaissoff E.* The Ural Metal Industry in the Eighteenth Century // *Economic History Review*. 1951. № 4. 2; *Unger W.S.* Trade Through the Sound in the Seventeenth and Eighteenth Centuries // *Economic History Re-*

целью при этом является, как указали Эванс и Риден, «расширить рамки атлантической истории, зафиксировать, как рыночные импульсы, шедшие от Западного океана, отдавались в глубинах европейского континента»⁶⁰. Если подобные исследования стремятся интегрировать экономическую историю России в более широкую сферу международной торговли, то труды Филлипса и его современников подтверждают предположение Эллисон Геймс, что Атлантика – «недостаточно большой объект для исследования»⁶¹. Филлипс так описывал торговлю с Китаем и пути ее осуществления:

«Русские товары перевозятся из Петербурга и Москвы до Тобольска по суше; из Тобольска купцы иногда плывут по реке Иртыш вплоть до ее слияния с Обью: оттуда они либо тащат свои корабли на буксире, либо поднимаются вверх по Оби до Нарыма, а оттуда по реке Кеть поднимаются до Маковского Острога, откуда товар переправляется примерно на расстояние 90 верст (60 миль) по суше до Енисея; затем они поднимаются по этой реке, а потом по Тунгуске и Ангаре до Иркутска, пересекают озеро Байкал и поднимаются по реке Селенга до Кяхты. Это путешествие в восточном направлении против течения вод столь трудно, что его сложно завершить в течение лета; поэтому купцы часто предпочитают двигаться по суше, встречаясь на ярмарке в Ирбите, около Тобольска; откуда они на санях отправляются до Кяхты, и прибывают туда примерно в феврале – основное время года, когда осуществляется торговля с китайцами. Но на обратном пути они спускаются по рекам Селенга, Ангара, Тунгуска, Кеть и Обь, вплоть до слияния Оби с Иртышем; затем поднимаются по этой реке до Тобольска, и поднимаются по Тобольской реке до Исети; а в начале реки Исеть есть небольшое озеро, от которого прорыт канал до реки Чусовая, впадающей в Каму, а река Кама впадает в Волгу и через Вышневолоцкий канал доплывают до Ладожского озера и Петербурга»⁶².

Глобальный характер торговли становится более очевидным из приведенного Филлипсом перечня «основных товаров», российского экспорта

view. 1959. № 12. 2. P. 206–221; *McKendrick N., Wedgwood J.* An Eighteenth-Century Entrepreneur in Salesmanship and Marketing // *Economic History Review*. 1960. № 12. 3. P. 408–433; *Price J.* Multilateralism and/or Bilateralism: The Settlement of British Trade Balances with ‘The North’, c. 1700 // *Economic History Review*. 1961. № 14. 2. P. 254–274; *From Dunkirk to Danzig: Shipping and Trade in the North Sea and the Baltic, 1350–1850* / Ed. By W.G. Heeres and J. Faber. Hilversum, 1988.

⁶⁰ *Evans C., Rydén G.* Op. cit. P. 38.

⁶¹ *Games A.* Beyond the Atlantic... P. 676.

⁶² *Phillips J.* Op. cit. P. 33.

в Китай⁶³. В их число входят «бухарские и астраханские овечьи шкуры, ...ткани английские, прусские и французские, ...лучшие бобры из Гудзонова залива... и лучшие шкурки черно-бурых канадских лисиц». В свою очередь, русско-китайская торговля позволяла русским ввозить те товары, которые атлантические державы получали только в результате долгого морского плавания, например, шёлк-сырец и шёлковую пряжу, чай, фарфор, а также открывала им доступ к азиатским товарам, которые могли поспорить с важнейшими предметами ввоза из Америки и Вест-Индии и которые включали в себя «хлопок-сырец и хлопковую пряжу высшего сорта», а также «табак, рис» и «сахарные сладости»⁶⁴. Вместе с тем, по всей видимости, Россия перепродавала западные товары, в том числе колонизальные, также и в Иране⁶⁵. После 1720 г. сахар из Вест-Индии, в первую очередь французский, являлся важнейшим товаром российского реэкспорта, что вместе с левантской торговлей самой Франции способствовало упадку старинного производства сахара в Египте и Персии⁶⁶.

Вопреки прежней точке зрения, работы Стивена Дейла, Роберта МакЧесни, Алама Музаффара и других показали, что Средняя Азия в XVIII в. не находилась в изоляции⁶⁷. Согласно Скотту Леви, «развитие наземных торговых путей в Азии соответствовало развитию морской торговли в Индийском океане и Средиземноморье и дополняло его»⁶⁸. В течение долгого времени торговля осуществлялась через «азиатских купцов-посредников, индийцев, армян, бухарцев и иранцев», но в начале XVIII в. «Россия начала занимать гораздо более активную позицию в азиатской торговле, и это изменение проявилось в создании «оренбургской линии» военно-торговых укрепленных пунктов в северной степи»⁶⁹. Это отчасти

⁶³ Ibid. P. 32.

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ Kahan A. *The Plow The Hammer and The Knout: An Economic History of Eighteenth Century Russia*. Chicago, 1985. P. 226.

⁶⁶ Barendse R. *Trade and State in the Arabian Seas: A Survey from the Fifteenth to the Eighteenth Century* // *Journal of World History*. 2000. № 11. 2. P. 193.

⁶⁷ Dale S. *Indian Merchants and Eurasian Trade, 1600–1750*. Cambridge, 1994; *Idem*. *Indo-Russian Trade in the Eighteenth Century* // *South Asia and World Capitalism* / Ed. by S. Bose. Delhi, 1990; *Muzaffar A.* *The Crisis of Empire in Mughal North India: Awadh and the Punjab, 1707–1748*. Delhi, 1986; *Idem*. *Trade, State Policy and Regional Change: Aspects of Mugai-Uzbek Commercial Relations, c. 1550–1750* // *Journal of the Economic History and Social History of the Orient*. 1994. № 37. 3. P. 202–227; *McChesney R.* *Barrier to Heterodoxy? Rethinking the Ties Between Iran and Central Asia in the 17th Century* // *Safavid Persia: The History and Politics of an Islamic Society* / Ed. by C. Melville. L., 1996; *Levi S.* *India, Russia and the Eighteenth-Century Transformation of the Central Asian Caravan Trade* // *Journal of Economic and Social History of the Orient*. 1999. № 42. 4. P. 519–548.

⁶⁸ *Levi S.* *Op. cit.* P. 522.

⁶⁹ Ibid. P. 532.

привело к «миграциям индийских торговых общин, занимающихся торговлей между Индией и Россией»⁷⁰. В XVII в. индийская община существовала в каспийском порту Астрахани, а «к 1684 г. небольшое индийское сообщество существовало даже в Москве»⁷¹. Хотя Леви не говорит об этом ни слова, в распоряжении России оказался еще один азиатский товар. «Следует подчеркнуть – заметил Леви, – что главными товарами, которые Россия в XVIII в. ввозила из Центральной Азии, были хлопок и краски, в особенности индиго – главные товары торговли Центральной Азии с Индией»⁷². Индиго, использовавшийся для получения синей краски, был одним из главных товаров, ввозившихся из Французской и Британской Вест-Индии. Но, как обнаружил Герберт Каплан, лишь 30% индиго в Петербурге происходило из Британской Вест-Индии⁷³. По словам Сюзен Фейрли, «триумф британских тканей в период промышленной революции был бы немыслимым без улучшения их окончательной обработки», которая зависела от ввоза красящих веществ из Индии и Азии, а также Латинской Америки и Карибского бассейна, в том числе (но не исключительно) кошенили, марены, сафлора, шеллака, кампешевого дерева, фернамбука и, конечно, индиго⁷⁴.

На этом этапе необходимо подчеркнуть, что важнейшие колониальные товары, которые производились в основном в Латинской Америке и на островах Карибского моря и были необходимы атлантическим державам для торговли, либо изготавливались из растений, привезенных из Леванта, либо могли быть приобретены в Леванте или вблизи Индийского океана. Речь идет в первую очередь о сахаре и кофе, а также об индиго и хлопке⁷⁵. Марена, индиго и кошениль были главными красками. Кошениль, красившая в красный цвет, добывалась из карминоносных червецов, небольших насекомых, которых выращивали и собирали коренные жители Мексики. И хотя с XVI в. на рынке главенствовала мексиканская кошениль, существовала и более древняя араратская кошениль (кормес), добывавшаяся в окрестностях горы Арарат, а также польская кошениль, добывавшаяся из польских карминоносных червецов в Центральной и Восточной Европе, а также от берега Балтийского моря вплоть до Украины, Центральной Азии и Западной Сибири. В Средние века польскую кошениль ввозили в Сре-

⁷⁰ Ibid. P. 534.

⁷¹ Ibid. P. 534-535.

⁷² Ibid. P. 533.

⁷³ Kaplan H. Op. cit. P. 240.

⁷⁴ Fairlie S. Dyestuffs in the Eighteenth Century // Economic History Review. 1965. № 17. 3. P. 488, 495–500.

⁷⁵ Barendse R. Op. cit. P. 173–225.

земноморье⁷⁶. Области, где водились карминоносные червецы, все больше попадали в расширяющуюся сферу влияния России.

Еще до начала Революционных войн Франции быстрое продвижение российской торговли на Востоке вызывало беспокойство. Француз Шантро, описывавший свои путешествия в Россию накануне Французской революции, посвятил главу российским торговым связям, в которой он подчеркивал значение внутренних водных путей и навигации по ним, а закончил эту главу выводом: «Нет на Земле государства, в котором судоходство по внутренним водным путям было бы столь обширным, как в Российской империи», и этим способом она укрепляет свои торговые пути между черноморскими и средиземноморскими портами, а также Китаем и Индией⁷⁷. Если житель Центральной Европы Бруйн считал нужным приспособиться к ситуации, то выходца из «атлантической» страны, француза Шантро, она беспокоила:

«Судоходство по внутренним водным путям, установившееся между Санкт-Петербургом и Астраханью, неизбежно привлечёт взгляд России к индийской торговле; поскольку, установив эту связь, она устранила сложнейшее из препятствий, которые требовалось преодолеть, для осуществления торговли в этой области»⁷⁸.

«Но если России удастся ее попытка, ...индийская торговля будет уничтожена в Англии, которая процветает лишь благодаря ей, и во Франции, у которой сильнейшие мотивы восстановить торговлю в Индии... Эти две державы, долгое время соперничавшие и которые, наконец, станут друзьями, несомненно, воспротивятся планам России, которая не так давно обладала лишь маловажным и малозначительным весом на весах Европы и которая в настоящий момент преобладает, или претендует на преобладание, и вскоре заставит тех, кто имеет большее влияние, чем она, исчезнуть на этих химерических весах, чашечки которых фортуна поднимает или опускает по своему желанию»⁷⁹.

⁷⁶ Lee R. *Cochineal Production and Trade in New Spain to 1600* // *The Americas*. 1948. № 4. 4. P. 449–473; *Idem*. *American Cochineal in European Commerce, 1526–1625* // *Journal of Modern History*. 1951. № 23. 3. P. 205–224; *Böhmer H., Thompson J.* *The Pazyryk Carpet: A Technical Discussion* // *Notes in Art History*. 1991. № 10. 4. P. 30–36. В XVIII в. об этом знали: *Dr. Wolfe*. *An Account of the Polish Cochineal* // *Philosophical Transactions*. 1764. № 54. P. 91–98; *Dr. Wolfe, Baker H.* *A Farther Account of the Polish Cochineal* // *Philosophical Transactions*. 1766. № 56. P. 184–186.

⁷⁷ *Chantreau P.* *Philosophical, Political and Literary Travels in Russia during the Years 1788 & 1789*. Perth, 1794. P. 217–218.

⁷⁸ *Ibid.* P. 218–219.

⁷⁹ *Ibid.* P. 219.

«Из всех ветвей торговли, обогащающих нашу нацию – писал в 1789 г. Энтони Бру, – нет ни одной, которая была бы более важной и была бы столь же тесно связана со всеми остальными, как наша торговля с Россией»⁸⁰. Вместе с тем, зависимость от сырьевых поставок из России, в особенности от пруткового железа, пеньки, парусины, сала, древесины, мачтового леса, льна и дегтя, уже давно вызывала протесты у англичан, выступавших против, как им казалось, безнадежного дефицита торгового баланса по отношению к России⁸¹. Войны XVIII в. «привели к тому, что Англия стала больше зависеть от экономических и материальных ресурсов России, чем раньше»⁸². По словам Герберта Каплана, «Россия послужила английскому военно-морскому и торговому флоту и усилила растущий британский сектор промышленного экспорта»⁸³.

К 1805 г., когда Уильям Плэйфер и Дж. Джемсон Одди опубликовали труд под названием «Европейская торговля: указание на новые безопасные пути торговли с европейским континентом», негодование в Англии все еще не улеглось. «Англичане – писали они, – вначале в целом контролировали торговлю с Россией... но русские, обогатившись за счет капиталов, который вложили англичане, чтобы осуществлять свою торговлю, стали, в конечном счете, меньше зависеть от своих прежних благодетелей; а в ходе последних войн, которые вела Великобритания, собрали значительные состояния; что позволило им придать своей торговле новый размах»⁸⁴. Изучение портов Петербурга и Риги в 1773–1778 гг. позволило Плэйферу и Одди констатировать «постоянное возрастание российской торговли на Балтийском море»⁸⁵. В 1773–1777 гг., согласно Плэйферу и Одди, Россия ежегодно закупала британские товары на 10 790 918 руб. и продавала свои на 14 724 610 руб. Неважно, сколь точны эти цифры; важно осознание английскими авторами проблемы дефицита торгового баланса в отношениях с Россией. По их словам, «в 1788 г., когда французы имели договор с русскими, обеспечивавший им преимущество, а англичане такого договора не имели,

⁸⁰ Brough A. A View of the Importance of Trade between Great Britain and Russia. 1789. P. 7.

⁸¹ Evans C., Rydén G. Op. cit. P. 37; Kaplan H. Op. cit. P. 262–270.

⁸² Kaplan H. Op. cit. P. 52.

⁸³ Ibid. P. 269.

⁸⁴ Playfair W. European Commerce, showing new and secure channels of trade with the continent of Europe: detailing the produce, manufactures, and commerce, of Russia, Prussia, Sweden, Denmark, and Germany, as well as the trade of the Rivers Elbe, Weser, and Ems, with a general view of the trade, navigation, produce, and manufactures, of the United Kingdom of Great Britain and Ireland, and its unexplored and improvable resources and interior wealth: illustrated with a canal and river map of Europe / By J. Jepson Oddy. L., 1805. P. 201.

⁸⁵ Ibid. P. 108.

пропорция торговли России с Великобританией и со всеми другими странами была нижеследующей:

	Экспортировано руб.	Импортировано руб.
Британия и ее владения	10 086 489	1 423 070
Другие страны	16 089 521	16 460 458
Всего	26 178 010	17 883 528

Действительно, Россия тратила британский капитал на покупку товаров у других государств, и английские деньги оседали в карманах соперников Англии, в первую очередь французов. «Преимущество», которое «Россия получала над Великобританией», жаловались Плэйфер и Одди, «поглощалось другими народами»⁸⁶. Из трех четвертей балтийского экспорта России «на долю Великобритании приходится от половины до двух третей... а английских товаров Россия покупает недостаточно», и «это должно быть главной причиной торгового процветания России»⁸⁷. В книге приводится таблица «Совокупность основных товаров, вывезенных из Петербурга, и число британских и иных судов» за 1787–1804 гг. В этот период из 14 979 иностранных кораблей, отплывших из Санкт-Петербурга, 8336 – более половины – были британскими, в то время как число всех остальных иностранных кораблей составляло лишь 6643⁸⁸. Проблема, конечно же, состояла в том, что эти многочисленные английские суда, увозя из России множество экспортных товаров, привозили в Петербург, Ригу и другие русские балтийские порты сравнительно мало товаров импортных.

По подсчетам Каплана, общая сумма внешней торговли России за период с 1775 по 1783 г. поднялась с 31 до 43 миллионов рублей, а в 1796 г. составила уже 109 млн⁸⁹. Вместе с тем становится все более очевидной главная слабость тезиса Мэхэна-Хекшера относительно блокады как главной причины наполеоновского похода 1812 года. Россия не была крупным импортером британских товаров – ни колониальных, ни каких-либо иных. Хекшер в значительной степени опирался на «Европейскую торговлю» Плэйфера и Одди, превознося ее как «ценнейший

⁸⁶ Ibid. P. 110.

⁸⁷ Ibid.

⁸⁸ Ibid. P. 121–122.

⁸⁹ Kaplan H. Op. cit. P. 241.

современный источник», содержащий «всеобъемлющие и совершенно необходимые подробности торговли и экономики северных стран, в особенности России», но вместе с тем не пожелал рассматривать текст, посвященный Великобритании, сочтя, что он «бесспорно ниже качеством, чем остальные»⁹⁰. Между тем, Плэйфер и Одди подчеркивали постоянный дефицит торгового баланса в отношениях с Россией, а Роуз, как мы упомянули выше, счел недостатком «Континентальной системы» Хекшера его недостаточное внимание к России. Если мы обратим внимание на торговлю Великобритании с Россией на протяжении XVIII в., с ее постоянным дефицитом торгового баланса, то покажется очевидным, что причиной вторжения 1812 года послужило нечто большее, нежели необходимость преградить дорогу британским товарам.

Со времен схватки за Испанское наследство (1701–1714) экономическая война стала чем-то нормальным – и тем более это было так накануне Французской революции. Поколение 1792 года и не предполагало, что война может быть иной. Вместе с тем, новая война была в большей степени экономической, чем когда-либо прежде, и причиной этого стали французские владения в Атлантическом океане. 1792–1815 гг. ознаменовались беспрецедентной революцией в Сан-Доминго (Гаити), французской колонии в Вест-Индии, известной как жемчужина Антильских островов. С 1720-х по 1790-е годы колония производила главным образом сахар и кофе, обеспечивая от половины до двух третей их мирового производства⁹¹. Голландия, Португалия, Испания и Дания в сумме обеспечивали от 20% до 25% производства сахара, и еще одна четверть приходилась на Британскую Вест-Индию⁹². Сахар и кофе вместе с индиго «составляли 90% от общей стоимости колониальных товаров восемнадцатого столетия»⁹³.

Очевидно, что путь французского реэкспорта сахара, кофе и индиго до 1790 г. – это путь французской армии с 1792 по 1812 год. С 1730 по 1790 г. объем французского сахара, прибывшего в порты Франции, возрос с 50 до 180 млн фунтов в год⁹⁴. Если сахар английского производства потреблялся на территории Великобритании и в ее владениях, то «смысл всего французского сахарного бизнеса состоял в реэкспортной

⁹⁰ *Heckscher E.* Op. cit. P. 378.

⁹¹ *Popkin J.* You Are all Free: The Haitian Revolution and The Abolition of Slavery. Cambridge, 2010. P. 26; *Marzagalli S.* The French Atlantic World in the Seventeenth and Eighteenth Centuries // *The Oxford Handbook of the Atlantic World, 1450-1850.* Oxford, 2011. P. 241.

⁹² *Stein R.* The French Sugar Business: A Quantitative Study // *Business History.* 1980. № 22. 1. P. 3.

⁹³ *Marzagalli S.* The French Atlantic World. P. 241.

⁹⁴ *Stein R.* Op. cit. P. 6.

торговле»⁹⁵. В 1770-е гг. 70% французского сахара продавалось за границей. От 87% до 95% всего сахара, прибывшего в Марсель с 1740 по 1775 г., было перепродано в Альпах, на Апеннинском полуострове, в Испании и в Леванте⁹⁶. Со второй половины XVIII в. французская торговля в Леванте взяла верх над европейскими конкурентами, а французские сахар и кофе вытеснили египетские. В 1686 г. 43,4% торговли в Стамбуле приходилось на долю Англии, всего 2,6% на долю Венеции, а Франция со своими 15,7% заметно отставала от голландских 38,3%. К 1750 г. ситуация радикально изменилась. Французская доля в стамбульской торговле составила 65,1%, английская – 15,2%, голландская – 3,4%, венецианская – 16,3%. Еще в большей степени на важность торговли колониальными товарами Вест-Индии указывает тот факт, что до 1769 г. 80% французского экспорта в Левант составляли ткани. В 1780-е гг. экспорт тканей снизился до 40%, вывоз сахара и кофе из Вест-Индии составил 30%, а красителей индиго и кошенили – 15%⁹⁷.

Впрочем, более важным с точки зрения России было то, что большая часть сахара, кофе и индиго из Вест-Индии прибывали в Бордо, Нант и Гавр. В 1786 году 97% сахара, прибывшего в Бордо, было реэкспортировано⁹⁸. К 1789 г. кофе обогнал сахар и стал главным французским экспортным колониальным товаром⁹⁹. В главных атлантических портах Франции существовали крупные колонии немецких и голландских купцов, а Гамбург закупал во Франции больше нерафинированного сахара, кофе и индиго, чем Амстердам и Роттердам вместе взятые¹⁰⁰. В 1752 г. Гамбург ввез из Франции 16 158 бочонков сахара, 1 804 346 фунтов кофе и 125 038 фунтов индиго¹⁰¹. Амстердам и Роттердам в сумме ввезли 12 048 бочонков сахара, 1 336 167 фунтов кофе и 9143 фунта индиго¹⁰². В 1790-е гг. сахарная промышленность была самой значительной отраслью в Гамбурге, в ней было задействовано от 15 до 16 тыс. рабочих на малых предприятиях¹⁰³. Число рафинадных заводов с 1750 по 1807 г. возросло с 365 до 428¹⁰⁴. Сахар из Французской Вест-Индии очищался в Гамбурге и снова перепродавался в Центральной Европе, в Скандинавии и в стране,

⁹⁵ Ibid. P. 9.

⁹⁶ Ibid. P. 10–12.

⁹⁷ См.: *Eldem E.* French Trade in Istanbul in the Eighteenth Century. 1999. P. 68–89.

⁹⁸ *Stein R.* Op. cit. P. 10–12.

⁹⁹ *Butel P.* Atlantic. L., 1999. P. 156.

¹⁰⁰ *Weber K.* Op. cit. P. 83.

¹⁰¹ Ibid.

¹⁰² Ibid.

¹⁰³ *Lindemann M.* Patriots and Paupers: Hamburg, 1712-1830. Oxford, 1990. P. 42.

¹⁰⁴ Ibid.

являвшейся самым надежным партнером Гамбурга, – в России¹⁰⁵. Вот эта реальность и стояла за жалобами Плэйфера и Одди, что деньги, полученные Россией от Англии, поглощаются другими странами.

Вместе с тем французская экспортная торговля сильно отличалась от британской. Промышленные товары составляли две трети британского экспорта, и лишь две пятых французского¹⁰⁶. Франция господствовала на рынках Северной Европы, но эта реэкспортная торговля зависела от обильных поступлений кофе, сахара и, возможно, индиго из ее колоний в Вест-Индии, в первую очередь Сан-Доминго. В 1780-е гг. на торговлю с Сан-Доминго приходилось три четверти обмена Франции с колониями и самые значительные поставки для реэкспортной торговли¹⁰⁷. Таким образом, французское процветание в основе своей зависело от рабов африканского происхождения и от их готовности (вынужденной или добровольной) выращивать колониальные товары и создавать их. Это означало жизнь на краю вулкана, который в 1789 г. проснулся.

На фоне растущих требований отмены работорговли во Франции, депутат от третьего сословия Жан Франсуа Бегуэн-Демо – богатый, владелец кораблей и поставщик колониальных товаров родом из Гавра – писал домой о том, как важна для экономики в целом перепродажа «сахара, кофе и хлопка», и отмечал, что представители торгового слоя защищают работорговлю¹⁰⁸. В более длинном трактате 1790 г. Бегуэн отмечал, что потеря бочонков сахара и кофе, кип хлопка и других колониальных товаров будет означать «крах наших национальных мануфактур»¹⁰⁹. Выступая в защиту работорговли в коллективном труде «Размышления о коммерции», представители торгового слоя обвиняли английских филантропов в том, что их влияние привело к росту аболиционистских настроений во Франции. В их глазах это было частью английского заговора с целью подорвать экономическое благополучие главного конкурента Англии – разновидность англофобии, еще не изученная историками. Колонии, по их словам, ежегодно поставляли во Францию колониальные товары на сумму 243 млн ливров. Торговля ими обеспечивала трудоустройство 5–6 млн жителей портовых городов Франции. Товары на 80 млн ливров потреблялись французским рынком, их циркуляция приводила к улучшению транспортной инфраструктуры, что тоже помогало трудоустройству,

¹⁰⁵ Ibid. P. 43.

¹⁰⁶ *Butel P.* Op. cit. P. 153.

¹⁰⁷ Ibid.

¹⁰⁸ *Begouen au Messieurs de le Havre*, 20 Juillet 1789 and 11 Decembar 1789 // Ibid.

¹⁰⁹ *Begouen J.-F.* Discours sur le Commerce du l'Inde (1790) // Archives Municipales de la ville du Havre. Période révolutionnaire. Série F2.

а львиная доля – колониальные товары примерно на 163 млн ливров – реэкспортировались на иностранные рынки¹¹⁰. Лишившись колониальных товаров, французы утратят свое «старинное счастье», произойдет прекращение «всей работы и всей промышленности», а Франция окажется в «таком же положении, как Польша»¹¹¹.

К началу 1791 г. результаты дискуссии в Учредительном собрании о рабстве и «статусе несвободных людей» были неудовлетворительными, что привело к серьезному раздражению среди всех цветных людей. Ночью 22 августа 1791 г. в Сан-Доминго началось «извержение вулкана» – крупнейшее восстание рабов XVIII в. Плантации сахара, кофе и индиго были сожжены вместе со складами и хранилищами. Историки, изучавшие Гаитянскую революцию, не пришли к определенным выводам относительно причин восстания рабов в ночь с 22 на 23 августа 1791 г. и просто отметили, что причины остаются неясными¹¹². Однако восстание может объясняться декретом от 13 мая 1791 г., согласно которому в дискуссиях о конституции не могли обсуждаться законы о «статусе несвободных людей»¹¹³. Французские революционеры разрушили правовую систему Старого порядка (в которой рабы были субъектами права и имели право на защиту и возможность получить свободу), но ничем ее не заменили. Поэтому ночью 22 августа рабы и подожгли гаитянские поля, засеянные важнейшими колониальными товарами. В ноябре 1792 г. около 300 чел. подписали «Петицию граждан, коммерсантов, поселенцев, земледельцев, заводчиков и других жителей города Нанта», оценив ущерб в сумму более 500 млн ливров и дав понять, что уничтожение колониальных товаров влечет за собой мрачные перспективы для французской торговли и промышленности. В частности, они указали на то, что из-за отсутствия колониальных товаров для перепродажи в Европе работу потеряют 24 тыс. моряков¹¹⁴.

Мы не можем здесь подробно рассматривать восстание рабов в Санто-Доминго, но это событие, бесспорно, является ключевым для

¹¹⁰ Députés extraordinaires du Commerce, *Réflexions sur Le Commerce (circa 1790)* // Archives Municipales de la ville du Havre. Période révolutionnaire. Série F².

¹¹¹ Ibid.

¹¹² О Гаитянской революции см.: *Popkin J.* Op. cit.; *Dubois L.* *Avengers of the New World: The Story of the Haitian Revolution.* Cambridge, 2005; *The World of the Haitian Revolution* / Ed. by D. Geggus and N. Fiering. Bloomington, 2009; *James C.L.R.* *Black Jacobins: Toussaint L'Ouverture and the San Domingo Revolution.* L., 1938.

¹¹³ Adresse a l'Assemblée nationale, par l'Assemblée provinciale du Nord du Saint-Domingue (circa June 1791) // Archives Départementales de la Gironde. Série C 4373-64.

¹¹⁴ Pétition des Citoyens, Commerçants, Colons, Agriculteurs, manufacturiers, et autres de la ville de Nantes, 4 November 1792.[P.], Impr. de L. Potier de Lille, [1792].

понимания экономической войны европейских метрополий 1793–1812 гг. Несмотря на всю жирондистскую риторику, совершенно нереально, чтобы причиной начала войны в 1792–1793 гг. была деятельность контрреволюционных группировок в мелких немецких княжествах¹¹⁵. Белл пишет: «Через несколько дней французские войска пересекут границу Австрийских Нидерландов» и задается вопросом: «Чего они должны были добиться?»¹¹⁶. Один из возможных ответов – они должны были захватить новые рынки. Многие призывали к отправке экспедиционного корпуса в Сан-Доминго, но такое мероприятие было бы дорогостоящим и не привело бы к восстановлению сожженных полей. Как считает Пол Чейни, «внезапный коллапс атлантической торговли после восстания в колониях 1791 г. вызвал полную переориентацию французской экономики, достигшую своей кульминации в континентальной системе, при помощи которой Наполеон пытался заблокировать весь европейский континент, создав выгодные для Франции условия торговли»¹¹⁷. Однако для Франции это была не переориентация, а полный коллапс экономической системы. Основой переориентации могли бы быть запасы необходимых колониальных товаров, а у Франции в августе 1791 г. таких запасов попросту не было.

Франция удержала Сан-Доминго, лишь отменив рабство и работорговлю в апреле 1794 г., что позволило мобилизовать бывших рабов на сопротивление Англии, желавшей добавить жемчужину Антильских островов к своим колониальным владениям. Таким образом, в 1793 г. колония оказалась вовлечена в войну с англичанами, длившуюся до 1798 г., когда Великобритания, потеряв не меньше 15 тыс. солдат, была вынуждена признать поражение от бывшего раба, Туссена Лувертюра¹¹⁸. Мир продлился недолго. Экспедиция Леклерка, покинувшая Брест 1 декабря 1801 г., находилась в Сан-Доминго уже дольше месяца, когда был подписан Амьенский мир, после чего Наполеон вновь ввел во французских колониях рабство и работорговлю. Параграф 1 «Закона о торговле чернокожими и об управлении колониями», опубликованного 20 мая 1802 г., гласил: «В колониях, возвращенных Франции по Амьенскому мирному договору от 6 жерминаля X года, рабство будет сохраняться в соответствии с законами и установлениями, принятыми до 1789 г.»¹¹⁹. «Избавьте

¹¹⁵ Bell D. *The First Total War*. 2007. P. 109–119.

¹¹⁶ Ibid. P. 119.

¹¹⁷ Cheney P. *Revolutionary Commerce: Globalization and the French Monarchy*. 2010. P. 228.

¹¹⁸ Geggus D. *Slavery, War and Revolution: The British Occupation of Saint-Domingue, 1793–1798*. Oxford, 1982.

¹¹⁹ Loi relative à la traite des noirs et au régime des colonies, 20 Floréal an X.

нас от этих позолоченных африканцев» – писал Наполеон Леклерку 1 июля 1802 г. Разоружение «черных» и высылка их «главных генералов» во Францию сделает «больше для торговли и для европейской цивилизации», чем какая-либо из предыдущих военных побед. Это даст французам «преимущества» в «делах Германии», продолжал он, а мир, подписанный с Турцией, предоставит Франции доступ к торговле на Черном море, и, наконец, средиземноморские преимущества Апеннинского полуострова¹²⁰. Единственным препятствием, стоявшим на пути этой программы экономической гегемонии, были не англичане, но «позолоченные африканцы», превратившие опору французского торгового владычества в черную жемчужину Антильских островов¹²¹. План Наполеона провалился: французские войска потерпели тяжелое поражение в Сан-Доминго. 1 января 1804 г. Сан-Доминго стал свободной республикой Гаити и все пути к возрождению экономики, основанные на возобновлении потока товаров из Вест-Индии во Францию, оказались отрезаны.

Именно это и привело к интенсификации экономической войны в Европе. У Франции просто не было достаточных запасов сахара и кофе, чтобы обеспечить свою долю рынка реэкспорта, и не существовало другого способа удержать этот рынок от торговой экспансии Англии, кроме как занять его военной силой. Через год после восстания рабов в Сан-Доминго реэкспорт сахара из Франции в Гамбург сократился более чем наполовину по сравнению с 1791 г., а к 1794–1796 гг. был «едва заметен»¹²². На смену французам пришли англичане. «Британский реэкспорт сахара в Гамбург почти утроился за этот период, и значительная часть этого сахара направлялась в Россию»¹²³. Вероятно, Россия была настолько же вовлечена во французскую экономическую сферу, как Бельгия, долина Рейна, Нидерланды, северная Италия, Египет и Сирия, а значит, как и Гамбург, была с самого начала возможной целью для коммерческой оккупации. Хотя Хекшер пытался приуменьшить воздействие «многочисленных негритянских восстаний в первые годы революционных войн», он вместе с тем постоянно указывал на политику Наполеона по недопущению британских кофе и сахара на континентальный рынок¹²⁴. Французские войска двигались с запада на восток тем же путем, что и реэкспорт колониальных товаров, в первую очередь сахара и кофе.

¹²⁰ Napoléon au Capitaine Général Le Clerc, 12 Messidor an X (1 July 1802) // Correspondence de Napoléon I. P., 1861. Lettre 6154. P. 503–504.

¹²¹ Ibid. P. 504.

¹²² Kaplan H. Op. cit. P. 241.

¹²³ Ibid.

¹²⁴ Heckscher E. Op. cit. P. 101.

Когда в Гамбурге была осуществлена «само-блокада», Швеция превратилась в хранилище нелегального сахара и кофе¹²⁵. Когда была отрезана Швеция, настал черед Гётеборга, Риги и Кёнигсберга¹²⁶. Баше, французский посол в Рейнском союзе, объяснял, почему невозможно полностью искоренить контрабанду:

«Теперь, когда берега Голландии и ганзейские города стали недоступными вплоть до устья Одера, колониальные товары пошли по новому направлению. Широкая деятельность развернулась на дорогах, ведущих из разных российских мест в Пруссию и через Польшу и Моравию в Вену, а также, поскольку британские товары выгружаются в портах Леванта, из турецких провинций в Австрийскую империю – таким образом, Рейнский союз в будущем будет снабжаться не по Рейну, а по Дунаю. Немецкие купцы считают, что стремительные изменения в торговле, превратившие Голландию и Нижнюю Германию в пустое место с коммерческой точки зрения, приведут к возникновению новых активных связей между Россией, Австрией и Баварией, а затем приведут к созданию надежных путей, по которым не только колониальные, но и британские товары будут доставляться в государства Рейнского союза и даже в Швейцарию, как только тамошняя цена окупит транспортировку. Даже если считать, что связь между Рейном и Эльбой на самом деле прервана тройным кордоном, который создали меры, предпринятые в Нижней Саксонии и Вестфалии, что далеко от истины, единственным результатом будет увеличение потока колониальных товаров из России через Кёнигсберг и Лейпциг»¹²⁷.

Хуже того, значительная часть этих товаров, по-видимому, происходила из бывших владений Франции, в том числе, как казалось, и из Сан-Доминго¹²⁸. К 1812 г., отмечает Хекшер, даже Наполеон выражал сомнения, стоит ли сохранять блокаду – что видно из его «Записки о континентальной блокаде» от 13 января 1812 г., адресованной Совету торговцев и промышленников¹²⁹. Вместо нее он предлагал ввести высокие пошлины. «Необходимый импорт сахара, оцениваемый в 450 квинталов^{130*}, таким образом, принесет в государственную казну не менее 70 млн франков; и его ввоз будет разрешен в обмен на вывоз денежной

¹²⁵ Ibid. P. 178–179.

¹²⁶ Ibid. P. 180.

¹²⁷ Цитируется по: Ibid. P. 231.

¹²⁸ Ibid. P. 247.

¹²⁹ Ibid. P. 248

¹³⁰ * Квинтал во Франции – мера веса, равная 100 кг. - *Прим. ред.*

суммы в 10 млн франков и любых товаров на сумму в 30 млн франков». Ту же самую систему предлагалось применить к «кофе, коже, индиго, чаю, хлопку-сырцу и красильной древесине»¹³¹. С точки зрения Наполеона, оно должно было привести «к повышению активности в промышленности, поощрению судоходства» и стать «ростком стабильности и жизни во всех наших портах»¹³². Политика блокады закончилась абсолютным провалом, и Наполеон это понял задолго до 24 июня 1812 г. Его мотивом не могло быть сохранение системы, которая, как он знал, уже была мертва.

В начале 1802 г. министр внутренних дел написал местным торговым палатам Франции, попросив их ответить на два вопроса. Первый касался препятствий к улучшению французской торговли с иностранными государствами в целом, а второй, более конкретный, касался препятствий к торговле с «людьми Севера»¹³³. Торговая палата Бордо написала 29-страничный ответ, из которого 17 страниц, разделенных на две главы, были посвящены расширению торговли с Россией. В первой главе, открывающейся упоминанием о франко-русском торговом соглашении 1787 года, изложена подробная история торговли между Францией и Россией. Обсудив англо-французское соперничество, авторы предлагают не концентрироваться на северном торговом пути в Россию, а придерживаться южной стратегии против «узурпатора»-Англии. Они утверждают, что со времен древних греков Чёрное море и Крым были воротами для товаров и рынков Индии, и торговля с Россией должна быть использована для получения туда доступа. Идеальные товары для торговли – сахар, индиго и кофе – колониальные товары, производимые во Французской колонии Сан-Доминго в Вест-Индии. Наконец, они особо отмечают важность внутренних водных путей России и легкость, с которой товары могут доставляться с берегов Черного моря, как в Москву, так и в Петербург. Подобный доступ позволит Франции получить огромные преимущества, которые позволят торговать не только с Россией, но и с Персией. Этот последний пункт был важен, поскольку именно в тех краях издавна возделывались и производились такие важнейшие колониальные товары, как сахар, индиго и кофе, что в докладе отмечалось особо¹³⁴.

Члены торговой палаты Бордо были не единственными купцами, рассматривавшими возможность торговли с Востоком через Россию.

¹³¹ Ibid. P. 249.

¹³² Napoleon. Note sur le blocus continental. 13 Janvier 1812. – Цит. по: Ibid. P. 249.

¹³³ Memoire du Conseil de Commerce de Bordeaux: Sur nos Relations Maritime avec le Puissance du Nord. Bordeaux, 1802// Archives départementales de la Gironde.

¹³⁴ Ibid.

Плэйфер и Одди начали свой труд с длинного и подробного описания внутренней водной системы России. Они отмечали, что «в особенности в военное время... купцы Великобритании могут продолжать свою торговлю с Турцией через Россию»¹³⁵. «Новый канал... сэкономит значительные деньги и время, [позволив прибыть] в Ригу, подняться по Двине и по Березинскому каналу... добраться до Днепра». С точки зрения авторов, этот путь по каналу «предпочтительнее, чем Кёнигсбергский»¹³⁶.

Закончим ответом на вопрос, был ли поход 1812 года обусловлен экономическими причинами? Я считаю, что был. Но этот вопрос следует рассматривать в более широкой перспективе российской экономической вовлеченности во французскую реэкспортную сферу влияния, в особенности со второй половины XVIII в., и последствий, которые повлекло за собой восстание рабов в колонии Сан-Доминго 1791 г. и Гаитянская революция. Конечно, при этом значение таких великих людей, как Наполеон и Александр, у малывается. Тем не менее, как отмечал Крузе, «расстройство торговли происходило в течение всего периода войн, а не только в блокадные 1806–1813 гг.»¹³⁷. Хекшер тоже считал, что истоки континентальной системы восходят к периоду с 1793 по 1802 г.¹³⁸. К началу 1812 года достать необходимые Франции колониальные товары можно было, лишь обратившись к новым их источникам, возможно, к Черному морю и Крыму. Если принять во внимание новейшую систему внутренних водных путей России и созданный ею торговый путь в Азию, это, возможно, дает ответ не только на вопрос, почему Франция вторглась в Россию, но и почему Наполеон пошел на Москву, а не на Петербург – центр английской торговли в России. С этой точки зрения экономическая война, которую вела Франция на протяжении всего периода, представляется куда более последовательной. Соответственно, главной целью французской экономической войны был захват торгового рынка, а не «блокада», и политика эмбарго была лишь одним из меняющихся способов такого захвата, который мог включать в себя и более имперские цели, как, например, доступ в Азию.

¹³⁵ *Playfair W., Oddy L.* Op. cit. P. 181.

¹³⁶ *Ibid.* P. 184.

¹³⁷ *Crouzet F.* Op. cit. P. 567–68.

¹³⁸ *Heckscher E.* Op. cit. P. 22–63.